

В зал центрального суперкомпьютера вошли двое сотрудников. Одна — пожилая женщина-Бета лет пятидесяти, вторая — тоже Бета, на вид около тридцати с небольшим.

Статистика неумолимо твердила: женщины-Беты куда мягче, терпеливее и внимательнее мужчин своего субпола. Лишенные мужской агрессивности, они идеально подходили на роль обслуживающего персонала, а потому именно им чаще всего доверяли работу в стенах школы.

В замкнутом, насквозь авторитарном мирке, где годы сменяли друг друга без единого намека на перемены, трудно было оставаться человеком. Без устоявшегося круговорота искренней доброты здешняя атмосфера неуклонно разлагала души. Даже самые стойкие со временем ломались, пропитываясь местным ядом, черствели и превращались в жестоких самодуров.

Лин Ду, затаившийся за массивным корпусом суперкомпьютера, осторожно выглянул. По голосам он их не узнал, но стоило разглядеть лица, как в памяти мгновенно всплыли образы. Обе женщины трудились в диагностическом центре еще в те годы, когда он сам учился здесь. И воспоминания эти не вызывали ничего, кроме глухого раздражения.

Большинство местных сотрудников оседали в школе на всю жизнь. Жалованье им платили умеренное, разве что чуть выше среднего по столице.

А вот воспитанники-Омеги, напротив, ни в чем не нуждались. В зависимости от успеваемости и примерного поведения им присваивали ранги от «А» до «D». В соответствии с этой шкалой им начисляли государственные пособия — огромные деньги для несовершеннолетних. Ученики младших классов получали сумму, сопоставимую со средней столичной зарплатой. В старшей же школе — особенно в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет — выплаты удваивались даже у обладателей самого низкого ранга «D». Что касается отличников ранга «А», то их ежемесячное содержание превышало средний оклад рядового горожанина в пять раз.

Для сильных мира сего эти крохи казались смешными, но для обывателей подобные деньги были пределом мечтаний. Юные Омеги, по сути, являлись богачами на фоне обслуживающего их персонала.

Однако воспользоваться этими средствами напрямую дети не могли: пособия лежали на целевых счетах и предназначались строго для нужд Омег. Чтобы поживиться за чужой счет, сотрудники приносили из внешнего мира разную контрабанду на продажу. Но развернуться дельцам не давали — банк-эмитент жестко контролировал движение меченых средств, и персонал не смел переступить черту.

Не сумев обобрать сирот напрямую, надзиратели находили другие лазейки. В этом изолированном королевстве персонал сбивался в плотные кланы, связанные круговой порукой. Они годами прокручивали свои грязные схемы, прикрывая друг друга от проверок.

К примеру, дельцы из диагностического центра приторговывали конфиденциальной информацией, сливая данные психометрии заинтересованным лицам. Другие подвизались в роли подпольных свах для богатых Альф, мечтавших заполучить Омегу. Третьи и вовсе не

гнушались банальным воровством, таская личные вещи воспитанников для перепродажи на черном рынке.

Омеги составляли едва ли один процент населения. В глазах общества они оставались недостижимыми, прекрасными, словно луна в небесах. Специализированные пансионы преподносились как хрустальные замки, оберегающие хрупкие цветы от жизненных бурь. На деле же за высокими стенами таилось куда больше пороков и грязи, чем мог вообразить обыватель. Подростки грезили о браке не из романтических чувств, а из отчаянного желания вырваться из этой золотой клетки. Пусть на воле их ждал лишь другой вид ограничений, просторы внешнего мира манили их куда сильнее душных школьных коридоров.

Омеги были личностями. Их чувства, обостренные самой природой, порой оказывались тоньше и глубже, чем у Альф или Бет. Однако для большинства обывателей они оставались безликими ярлыками — олицетворением покорности, слабости и кротости, лишенными права на собственные желания и волю.

Лин Ду давно понял: изменчивый, бурлящий внешний мир, несмотря на все свои опасности, давал человеку гораздо больше свободы. И, как ни парадоксально, зла там совершалось меньше, чем в затхлом болоте этого образцового пансиона.

Здесь лаборанты годами плыли по течению, не заботясь о повышении квалификации. Их знаний хватало лишь на то, чтобы нажать пару кнопок на пультах сканеров. Разобраться в тонких настройках оборудования они бы не сумели при всем желании, а уж противостоять профессиональному взлому вроде того, что устроил Лин Ду, и подавно.

Именно благодаря их невежеству он в свое время чувствовал себя здесь полноправным хозяином.

Лин Ду уже извлек данные психометрии четверых Омег. Пока они копировались, он, используя ресурсы суперкомпьютера, взломал смежные архивы. Ему нужно было выяснить, какие следы оставили оперативники Спецотдела, расследовавшие недавнее убийство Ян Синьи.

Проведя в пансионе четыре года, Лин Ду ориентировался в его цифровых лабиринтах так же свободно, как в собственной спальне.

Искать крупинцы информации среди терабайтов записей с камер слежения казалось безнадежным делом, но благодаря предусмотрительно оставленным в системе бэкдорам и поисковым скриптам работа спорилась.

Тем временем лаборантки подошли к главному терминалу суперкомпьютера.

Пожилая женщина лениво ткнула пальцем в сенсорный экран и недовольно проворчала:

— И сдалась директору эта проверка оборудования? Ну что с ним делается?

— Этот центральный интеллектуальный мозг — всего лишь секретный модуль для использования в кампусе, — отозвалась ее спутница помоложе. — Если никто не заливал туда пиратские базы данных, ничего не рухнет. Давай просто прогоним стандартный тест для галочки.

Они углубились в обсуждение планов на празднование зимнего солнцестояния, споря, куда лучше отправиться в отпуск.

Лин Ду, скорчившись в узком пространстве за гудящими стойками, краем глаза следил за индикатором загрузки на своем портативном терминале. Параллельно он изучал архивы видеонаблюдения трехдневной давности, когда в школу нагрянули следователи из Спецотдела.

Быстро прокручивая таймлайны, он наткнулся на причину их визита. Оказалось, полиция приехала не просто с плановым обыском: в роковую ночь на краю горячего источника, прямо возле тела убитого Ян Синъи, нашли без сознания одного из воспитанников пансиона.

На записях допросов мелькнуло лицо нового директора школы — бывшего заведующего медицинским отделом. Лин Ду почти не пересекался с ним раньше: этот человек всегда отличался крайней трусостью и, зная о непростом характере одаренного юноши, предпочитал держаться от него подальше.

На экране директор суетливо утирал платком обильный пот со лба.

— Поймите, — лепетал он перед следователями Спецотдела, заикаясь от страха. — Даже если бы я отказал Ян Синъи, он все равно нашел бы способ забрать этого мальчика. И кто знает, что тогда бы с ним случилось? Нелегальный вывоз мог обернуться куда худшими последствиями для будущего ребенка! А тут все было официально, под моим присмотром. Я лично договорился, чтобы к празднику зимнего солнцестояния Омегу вернули обратно в пансион — ведь дети должны проводить эти дни со своими семьями...

От лицемерного тона этого ничтожества Лин Ду брезгливо поморщился. Подобные люди всегда совершали подлости с благообразной миной, находя тысячи оправданий собственной трусости.

Детективы Спецотдела расследовали убийство влиятельного Альфы, а не должностные преступления школьной администрации, поэтому они не стали тратить время на пустую демагогию. Судя по всему, у найденного на месте преступления Омеги не обнаружили никаких мотивов или улик, указывающих на его причастность к убийству, и мальчишку поспешили вернуть обратно в школу.

Лин Ду вывел на экран досье пострадавшего. Взглянув на трехмерную голограмму и показатели его феромонов, он помрачнел еще сильнее.

Перед ним был ребенок. Мальчик-Омега четырнадцати лет, ростом всего метр пятьдесят один. Тонкие черты лица, каштановые глаза, обрамленные темными волосами — он казался совсем хрупким, почти невесомым. Согласно датчикам, его феромоны несли прохладный, чистый аромат влажной сосновой хвои и утреннего тумана.

Лин Ду стиснул зубы от глухой ярости. Как у Ян Синъи поднялась рука на это дитя? И как директор посмел прикрывать свое предательство заботой о благе ребенка?

Теперь становилось ясно, почему Спецотдел так быстро закрыл дело в его отношении. Хрупкий, испуганный ребенок выглядел настолько беззащитным, что заподозрить его в хладнокровном убийстве не пришло бы в голову ни одному следователю.

Лин Ду быстро нашел текущие координаты мальчика. Его звали Е Цинлань. Дифференциация в Омегу произошла у него поздно, лишь в десятилетнем возрасте. Сейчас он числился в корпусе А Павильона Созерцания Воды, в комнате 423.

Судя по логам внутренней системы безопасности, после утреннего возвращения Е Цинлань не покидал своей комнаты. В полдень к нему заходила дежурная по этажу — принесла немного фруктов, проверила состояние.

Немного подумав, Лин Ду свернул свой гибкий терминал до минимальных размеров и аккуратно протолкнул его в зазор под основанием суперкомпьютера, оставив процесс копирования работать в фоновом режиме.

Пока лаборантки продолжали беспечно болтать, он бесшумно скользнул к вентиляционному люку, перемахнул через раму и скрылся в полумраке коридора диагностического центра.

Павильон Созерцания Воды являлся одним из двадцати жилых секторов для старшекласников. Этот просторный комплекс из шести корпусов раскинулся на берегу живописного Озера Зеркальной Воды. Из окон открывался великолепный вид, но селили здесь исключительно элиту — обладателей ранга «А».

Пешком от диагностического центра до озера пришлось бы добираться не меньше получаса. Лин Ду не обладал выносливостью Фань Пэн, но в его арсенале всегда имелись обходные пути.

Натянув защитную маску и набросив найденный в раздевалке просторный дождевик, он шагнул в сырую осеннюю изморось. Спустя пару минут он уже сидел в автоматической вагонетке монорельса. Десять минут — и поезд бесшумно замер у платформы Павильона Созерцания Воды.

Система безопасности пансиона караулила лишь внешние периметры; внутри контроль был формальным, так что проникнуть в корпус А не составило труда.

Перебравшись по внешнему карнизу с балкона пустующей четыреста двадцать первой комнаты на соседний балкон четыреста двадцать третьей, Лин Ду осторожно заглянул в окно. Обычная спальня стандартной планировки.

Воспитанники жили в пансионе с пятилетнего возраста. На младшем отделении они ютились по двое в блоке — у каждого была своя спальня, но общая душевая и гостиная. Перейдя в старшие классы, каждый получал полноценную личную студию. По сути, эти стены заменяли детям родной дом, и они старались обустроить свое гнездышко как можно уютнее. Даже сам Лин Ду — законченный технарь, далекий от бытовых сантиментов — во время учебы терпел в своей комнате забавные безделушки: плюшевых зверей, подаренных заботливым Лин Хуанем, цветочные горшки и пестрые коврики.

Но комната Е Цинланя поражала безликостью. Никаких личных вещей, сувениров или украшений — только казенная мебель, стопка учебников и предметы первой необходимости. В этом сквозила какая-то пугающая отстраненность.

Лин Ду еще не успел решиться на шаг внутрь, как лежавший на кровати мальчик резко вскочил. Одним движением он задернул занавеску, а затем распахнул балконную дверь, уставившись прямо на незваного гостя.

Лин Ду не вздрогнул. Его взгляд оставался холодным и собранным.

— Ты кто такой? — негромко спросил Е Цинлань.

— Впустишь меня? — вместо ответа предложил Лин Ду. — На улице жуткий холод.

Е Цинлань промолчал, напряженно разглядывая его.

<http://bllate.org/book/20623/2141207>